

УДК 94(47).084.5

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-193-198

Ссылка для цитирования: *Апальков Д. И.* К вопросу о роли Г. К. Орджоникидзе во внутрипартийной борьбе 1920-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 193–198.

К ВОПРОСУ О РОЛИ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ 1920-х ГОДОВ

Д. И. Апальков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4

apal_d@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8091-6144

В данной статье рассмотрена роль Г. К. Орджоникидзе во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Цель статьи – определить, какой позиции Орджоникидзе придерживался на разных этапах внутрипартийной борьбы. Документальная основа исследования – стенограммы и другие документы руководства большевистской партии, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Вопреки сложившемуся в историографии мнению, автор приходит к выводу, что в ходе внутрипартийной борьбы Орджоникидзе действовал самостоятельно и не был послушным сателлитом И. В. Сталина. После назначения на пост председателя Центральной контрольной комиссии он в некоторой мере пытался смягчить остроту политических конфликтов и предотвратить применение в отношении оппонентов Сталина жестких наказаний. В историографии существует версия, согласно которой Орджоникидзе в 1928 г., во время конфликта между Сталиным и группой Рыкова – Бухарина, сначала поддерживал «правое крыло» Политбюро, однако затем внезапно пересмотрел свои взгляды и поддержал позицию Сталина. На основе анализа архивных документов автор делает вывод о несостоятельности этого утверждения. Вместе с тем Орджоникидзе, хотя и находился со Сталиным в дружеских отношениях и разделял его взгляды по крестьянскому вопросу, занимал примирительную позицию и был склонен к поиску компромисса с «правыми». Примирительный настрой Орджоникидзе исчез после того, как троцкисты опубликовали запись о тайном разговоре Н. И. Бухарина с Л. Б. Каменевым. Этот компромат сформировал в большевистском руководстве восприятие «правого крыла» Политбюро как оппозиционной группы, способной внести раскол в «монолитное единство» партии. По этой причине в начале 1929 г., когда на совместных заседаниях Политбюро и Президиума Центральной контрольной комиссии состоялся высший партийный суд над «правыми», Орджоникидзе выступил в качестве одного из главных обвинителей.

Ключевые слова: Орджоникидзе, Сталин, ВКП(б), Центральная контрольная комиссия, Политбюро, Центральный комитет, оппозиция.

Внутрипартийная борьба 1920-х гг. наложила серьезный отпечаток на политическую биографию Серго Орджоникидзе. В ноябре 1926 г. он возглавил Центральную контрольную комиссию (ЦКК) – орган, призванный наказывать членов партии за различные нарушения партийной дисциплины, в том числе за оппозиционную деятельность. Орджоникидзе занимал пост председателя ЦКК до декабря 1930 г. Таким образом, на время его пребывания во главе ЦКК пришелся решающий отрезок внутрипартийной борьбы, когда И. В. Сталин сначала разгромил «объединенную оппозицию», а затем и так называемый «правый уклон». В трудах по истории внутрипартийной борьбы обычно роль Орджоникидзе почти полностью сводится к осуществлению расправ над оппозиционерами. Например, О. Г. Назаров называет возглавляемую Орджоникидзе ЦКК «сталинской дубинкой» [Назаров, 2002, с. 187]. Однако некоторые факты позволяют судить о нем как о более сложной и противоречивой фигуре.

Следует отметить, что летом 1926 г. вопрос о председателе ЦКК стоял как никогда остро. Предшественник Орджоникидзе на этом посту В. В. Куйбышев на июльском пленуме ЦК и ЦКК 1926 г. был разоблачен Г. Е. Зиновьевым как один из членов фракционной «семерки» –

теневого органа власти, существование которого противоречило уставу партии. В этой связи дальнейшее пребывание Куйбышева в должности, подразумевавшей статус главного блюстителя партийных норм, делало его удобным объектом для глумления со стороны оппозиции. Кроме того, не исключено, что к тому времени у Куйбышева возникло желание сменить сферу деятельности и перейти на более спокойную должность. Тем более в связи со смертью Ф. Э. Дзержинского (20 июля 1926 г.) освободился пост председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). 5 августа 1926 г. Куйбышев возглавил ВСНХ СССР, а в декабре 1927 г. был избран членом в Политбюро.

Сталин и другие члены «руководящего коллектива» посчитали, что наиболее подходящей кандидатурой на замену Куйбышеву является Орджоникидзе. В пользу этого решения говорили статус Орджоникидзе, его предшествующая биография. Достаточно сказать, что впервые членом ЦК большевистской партии он стал еще в 1912 г., с февраля 1922 г. возглавлял одну из крупнейших региональных парторганизаций – Закавказский крайком; наконец, в июле 1926 г. он был избран кандидатом в члены Политбюро, что открывало для него перспективу восхождения на советский политический Олимп. Словом, Орджоникидзе обладал авторитетом, достаточным для назначения на эту должность.

Пожалуй, главным его недостатком был несдержанный, вспыльчивый нрав (продемонстрированный, в частности, в декабре 1922 г., когда во время словесной перепалки в Тбилиси он ударил грузинского коммуниста Г. А. Кабахидзе). Однако, учитывая сложившуюся ситуацию, вполне вероятно, что в соображениях Сталина и других членов Политбюро этот недостаток мог трансформироваться в преимущество: дескать, он будет жестко пресекать оппозиционную деятельность, не церемонясь с «зарвавшимися» оппозиционерами. Впрочем, даже если и был такой расчет, как показывают дальнейшие события, он сработал не полностью.

Решение о переводе Орджоникидзе на освободившееся место председателя ЦКК и наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР (с 1923 г. ЦКК РКП(б) – ВКП(б) и Наркомат РКИ СССР действовали как объединенный советско-партийный орган) руководящая группа Политбюро приняла в конце июля 1926 г. Казалось бы, Орджоникидзе должен был радоваться возможности существенно повысить свой статус, заняв одну из важнейших позиций в советском руководстве. Тем не менее он некоторое время сопротивлялся, предпочитая московским политическим интригам относительно спокойную работу на Кавказе, однако вскоре под нажимом Сталина вынужден был подчиниться [Хлевнюк, 1993, с. 16–18].

Назначение Орджоникидзе на пост председателя ЦКК состоялось на совместном пленуме ЦК и ЦКК, который собрался 3 ноября 1926 г., в перерыве между двумя последними заседаниями XV партконференции. Интересно, что избрание Орджоникидзе на эту должность противоречило уставу партии, поскольку он не являлся членом ЦКК, а ввести в состав ЦКК его мог только съезд партии. Участники XV партконференции единогласно одобрили это решение, «принимая во внимание чрезвычайную обстановку» (XV конференция..., 1927, с. 765–766).

Некоторая строптивость, проявленная Орджоникидзе в случае с назначением на данный пост, показывает, что он не был беспрекословным исполнителем воли старшего товарища. Впоследствии Орджоникидзе не раз демонстрировал свой своенравный характер. В конечном счете это стоило ему жизни. На протяжении последнего полугодия жизни он отчаянно пытался спасти от арестов людей из ближнего окружения и своих подопечных – руководящих работников тяжелой промышленности. По всей видимости, безуспешность этих попыток и стала причиной гибели Орджоникидзе в феврале 1937 г. (версия о самоубийстве представляется нам наиболее вероятной) [Хлевнюк, 2010, с. 269–285]. Вместе с тем, как нам удалось выяснить, еще за десять лет до этих трагических событий, в период пребывания Орджоникидзе во главе ЦКК, между ним и Сталиным имелись серьезные разногласия по вопросу об оппозиции.

Следует отметить, что, несмотря на острую внутрипартийную борьбу и усиливавшееся влияние Сталина, до конца 1920-х гг. в Политбюро соблюдался принцип коллегиальности принятия решений, поэтому разногласия по различным вопросам были нормой. Сталину порой приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы добиться решения в свою пользу. По его мнению, Орджоникидзе проявлял непозволительную мягкость по отношению к оппозиционерам, давая им возможность восстановиться в партии.

На июльско-августовском пленуме ЦК и ЦКК 1927 г. Орджоникидзе, оппонируя Зиновьеву, сделал следующее заявление: «Гов. Зиновьев... не счит нужным хоть единым словом замолвить о том, что делала ЦКК в исполнение последнего пункта или просьбы оппозиции, которая была выражена в заявлении 16 октября, где она просила партию принять меры к восстановлению исключенных из партии оппозиционеров... У меня имеется список членов партии, привлечавшихся за фракционную деятельность с октября 1926 г. по июль 1927 г. <...> В ЦКК поступило 101 дело, из них 79 было исключено, на 22 было наложено всякого рода партвыскаания. При пересмотре этих дел ЦКК из 79 восстановлено 57, исключенными остались только те, которые равным счетом ничего не хотели делать для исправления своих ошибок, или не подавали заявления о пересмотре своего дела» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 106).

На XV Съезде ВКП(б) Орджоникидзе вновь отметил трудности, сопровождавшие восстановление оппозиционеров: «Я и т. Сольц возились с Владимиром Смирновым целую неделю..., чтобы он отказался от того недопустимого заявления, которое он сделал на заседании ЦКК, и тем дал нам возможность отменить постановление МКК и оставить его в партии» (XV Съезд ВКП(б), 1928, с. 391). Впоследствии Орджоникидзе признался, что по данному поводу в конце 1926 г. у него со Сталиным произошло «резкое объяснение». Н. И. Бухарин это подтвердил, добавив, что в связи с этим конфликтом Орджоникидзе приходил к нему и «ругательски ругал Сталина» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4, 7, 12 об.).

Таким образом, Орджоникидзе, вопреки воле Сталина, предпринимал определенные усилия, стремясь избежать применения репрессивных мер в отношении деятелей оппозиции. Он действовал так, как считал правильным, думая прежде всего о своей репутации. Как нам кажется, не случайно один из видных представителей левой оппозиции И. Я. Врачев отвел ему особую роль в своем рассказе «Из пережитого» (данная рукопись была написана им в конце 1928 г. во время пребывания в вологодской ссылке). В фантазии Врачева Орджоникидзе фигурирует в качестве одного из членов Президиума «XVII Чрезвычайного съезда ВКП(б)», который должен был положить конец «произволу сталинского аппарата». Более того, Врачев называет его лидером «лучшей части бывшей центристской фракции» (Там же. Ф. 17. Оп. 71. Д. 80. Л. 14).

Летом 1927 г. вопрос об оппозиции вновь оказался в центре внимания «руководящего коллектива». Сталин добивался немедленного исключения Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева из ЦК. 10 июня 1927 г. В. М. Молотов сообщил Сталину, находившемуся в отпуске на юге, следующее: «Обсуждали о Тр[оцком] и Зин[овьеве]. С мест Чубарь и Михайлов высказались против вывода Тр[оцкого] и Зин[овьева] из ЦК до съезда. Каган[ович] + Котов + Киров + Чудов за вывод. В итоге голоса разделились поровну (голосовали 7–7)» (Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 37). Орджоникидзе, А. И. Рыков, М. И. Калинин и некоторые другие члены «руководящего коллектива» выступали против немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК, считая достаточным не избрать их в состав ЦК на ближайшем съезде (Там же. Л. 38).

Сталин требовал устроить новое голосование и учесть его голос заочно (Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 8, 13). 21 июня Молотов отправил Сталину сообщение: «Вчера приняли вывод Зин[овьева] и Тр[оцкого] из ЦК с перевесом одного голоса... ЦКК завтра выносит свое решение и наверно в четверг – пятницу оно будет опубликовано в газетах» (Там же. Д. 767. Л. 45). Действительно, 24 июня 1927 г. Президиум ЦКК принял постановление, в котором содержалось обращение к очередному пленуму ЦК и ЦКК с предложением исключить Зиновьева и Троцкого из состава ЦК (Правда, 1927, 26 июня). Впрочем, объединенный пленум ЦК и ЦКК (29 июля – 9 августа 1927 г.) не последовал этой рекомендации, ограничившись объявлением Зиновьеву и Троцкому строгого выговора с предупреждением (КПСС в резолюциях и решениях..., 1984, с. 207). Решение, принятое пленумом в августе 1927 г., как нельзя лучше показывает, что в это время Сталину еще приходилось считаться с мнением других авторитетных руководителей и идти на уступки.

Инициатором этого решения стал Орджоникидзе, который 5 августа открыл утреннее заседание пленума, выступив за сохранение Троцкого и Зиновьева в составе ЦК при условии соблюдения ими «минимальных условий для совместной работы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 14). Иначе говоря, они должны были отказаться от критики в адрес руководства ВКП(б) и Коминтерна и распустить фракцию (Там же. Л. 104). Сталин и Бухарин заявили о том, что поддерживают инициативу Орджоникидзе (Там же. Л. 44, 102), хотя их искренность и вызывает

сомнения (особенно Сталина, который, как было отмечено выше, несколькими неделями ранее добивался скорейшего исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК).

Лидеры оппозиции поначалу препирались, не желая расписываться в очередной капитуляции наподобие заявления от 16 октября 1926 г. (текст данного заявления см. (Стенограммы заседаний Политбюро..., 2007, с. 451–453; Правда, 1926, 17 октября)). Однако под угрозой исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК они в конечном счете согласились удовлетворить выдвинутые требования, хотя и с некоторыми оговорками. В заявлении от 8 августа 1927 г. оппозиционеры признали недопустимой мысль о термидорианском перерождении ЦК, выразили готовность подчиняться решениям руководящих органов ВКП(б) и Коминтерна, а также «сделать решительно все для уничтожения всех элементов фракций». Вместе с тем в заявлении отмечалось, что оппозиционная фракция возникла «в условиях извращения внутрипартийного режима», при которых «мы были вынуждены бороться за доведение до партии наших действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати читаемой всей страной» (Там же. Л. 145; Правда, 1927, 11 августа).

Оговорки, сделанные лидерами оппозиции в заявлении, вызвали недовольство большинства участников пленума. Так, А. И. Рыков назвал его «недостаточным» и «двуличным» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 133). Я. Э. Рудзутак и Б. П. Позерн даже настаивали на том, что пленуму следует отвергнуть заявление оппозиции и исключить Троцкого и Зиновьева из ЦК (Там же. Л. 127, 131). Однако преобладала позиция тех, кто считал, что ради «единства партии» следует попытаться избежать карательных мер и принять заявление оппозиции. Отвечая Рудзутаку, Сталин озвучил настрой большинства: «Надо быть нам в партии рачительными хозяевами... Партия смотрит на нас... Она должна видеть, что мы не пренебрегаем даже веревочкой ради возможности единства партии... даже гнилой веревкой не следует кидаться» (Там же. Л. 130).

Следует также отметить, что летом 1927 г. Орджоникидзе был в числе оппонентов Сталина и по китайскому вопросу. Он, а также А. И. Рыков, К. Е. Ворошилов и Я. Э. Рудзутак подвергли Сталина критике за то, что «наша политика в Китае поддается нажиму оппозиции» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 36–37, 59). 1 июля 1927 г. Молотов написал Сталину тревожное письмо о «внутреннем положении в “7-ке”»: «По вопросам об оппозиции, о Китае, об АРК уже намечилось б[олее] или м[енее] отчетливые деления, причем решения то и дело принимаются перевесом 1-го голоса... Я все больше думаю о том, не придется ли тебе приехать в М[оскву] раньше срока. Как это ни нежелательно из-за интересов лечения, но суди сам, какое положение. Кл[им] (Ворошилов. – Д. А.) доходит до огульного охаиванья “Вашего рук[оводств]а за последние 2 года”! Симптомы плохие, устойчивость очень ненадежная» (Там же. Л. 59–60).

Относительно позиции Орджоникидзе в конфликте между Сталиным и группой Рыкова – Бухарина в историографии существует версия, согласно которой Орджоникидзе в 1928 г. сначала поддерживал «правых», однако затем внезапно их «предал» [Такер, 1990, с. 376; Шубин, 2004, с. 168]. Данное мнение основано на фразе Бухарина, вошедшей в конспективную запись Л. Б. Каменева о его разговоре с Бухариным и Г. Я. Сокольниковым 11 июля 1928 г.: «Серго – не рыцарь. Ходил ко мне, ругательски ругал Ст[алина], а в решающий момент предал» [Фельштинский, 1991, с. 198]. Полный текст этого документа был доступен исследователям благодаря тому, что он отложился в архиве Троцкого, который хранится в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (Там же, с. 182).

Следует отметить, что текст данной конспективной записи впервые был опубликован в листовке, выпущенной троцкистами в январе 1929 г. В свою очередь, данная листовка в качестве приложения вошла в стенографический отчет совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК от 30 января и 9 февраля 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3–4). По неизвестной причине в этой публикации, в отличие от документа из архива Троцкого, в предложении об Орджоникидзе вместо глагола «предал» стоит «предан» (Там же. Л. 4), что совершенно меняет смысл данного высказывания. Иными словами, «предательство» Орджоникидзе по отношению к группе Рыкова – Бухарина трансформировалось в его «преданность» Сталину. Возможно, это не более чем опечатка, допущенная по невнимательности во время подготовки стенографического отчета. Нельзя исключать и того, что замена слова была умышленной. Об этом мог попросить Орджоникидзе, возмущенный словами Бухарина о «предательстве».

Как бы то ни было, в данном случае утверждение о «предательстве» Орджоникидзе не является корректным. Согласно заявлениям Орджоникидзе и Бухарина, сделанным 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро, упомянутые выше ругательства в адрес Сталина

Орджоникидзе произнес не в 1928 г., а в конце 1926 г. в связи с вопросом о левой оппозиции (Там же. Л. 7, 12 об.). Таким образом, у нас нет оснований считать, что Орджоникидзе в какой-то момент тайно поддерживал «правых».

Вместе с тем Орджоникидзе, хотя и находился со Сталиным в дружеских отношениях и разделял его взгляды по крестьянскому вопросу, занимал примирительную позицию и был склонен к поиску компромисса с «правыми». Так, в середине ноября 1928 г., накануне очередного пленума ЦК, Орджоникидзе в письме Рыкову выразил намерение способствовать урегулированию конфликтов в Политбюро: «Смешно, конечно, говорить о твоей “смене”, Бухарина или Томского. Это прямо было бы сумасшествием. По-видимому, отношения между Сталиным и Бухариным значительно испортились, но нам надо сделать все возможное, чтобы их помирить» (Советское руководство..., 1999, с. 58).

Думается, данное обстоятельство объясняется не только нежеланием Орджоникидзе погружаться в череду новых интриг и конфликтов, но и тем, что в глазах большинства членов ЦК занимаемая им должность председателя ЦКК по-прежнему подразумевала обязанность предотвращать угрозу всевозможных «расколов» в партии. Иными словами, Орджоникидзе как председатель ЦКК являлся «транслятором» настроений «единства», преобладавших в «руководящем коллективе», поэтому он должен был всячески содействовать примирению конфликтующих сторон.

Отношение Орджоникидзе к «правым» кардинально изменилось в конце января – начале февраля 1929 г., когда состоялись совместные заседания Политбюро и Президиума ЦКК, которые изначально задумывались в качестве высшего партийного суда над «правыми». Содержание полемики, происходившей на этих заседаниях, свидетельствует о том, что изданная троцкистами запись о тайном разговоре Бухарина с Каменевым стала триггером, создавшим в большевистском руководстве впечатление о «бухаринской группе» как о потенциальном организаторе очередной оппозиционной фракции – внутренней силе, являющейся источником угрозы раскола в партии. Раздражение, накопившееся в партийной элите от многолетней внутрипартийной борьбы, позволило Сталину успешно использовать опубликованный троцкистами компромат на Бухарина, чтобы сплотить вокруг себя большинство членов Политбюро и ЦК, а также Президиум ЦКК (подробнее об этом см. [Апальков, 2017]).

Кроме того, сильное раздражение Орджоникидзе вызвало то, что, согласно записи Каменева, Бухарин в беседе с ним упомянул Орджоникидзе в ходе рассуждений о потенциальных сторонниках «правых». В этой связи неудивительно, что Орджоникидзе на совместных заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. выступил в качестве одного из главных обвинителей Бухарина. На заседании 30 января, завершая свою вступительную речь, он заявил: «Два слова о своей персоне. Я должен самым решительным образом заявить, что тов. Бухарин, если он действительно говорил тов. Каменеву, что я будто с ним был согласен, а в решающий момент его предал, – он бессовестно меня оболгал... Как неприлично, как некрасиво лгать на товарищей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7).

Таким образом, вышеизложенное позволяет утверждать, что, вопреки бытующему в историографии мнению, Орджоникидзе в конце 1920-х гг. поддерживал взгляды Сталина по крестьянскому вопросу, однако при этом он, следуя традициям «коллективного руководства», самостоятельно принимал решения и не допускал возможности расправы над «правыми» членами Политбюро до тех пор, пока Бухарин не был серьезно скомпрометирован.

Список источников

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 317; Оп. 71. Д. 80; Оп. 171. Д. 181; Ф. 558. Оп. 11. Д. 71, 767.
- XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.–Л.: Госиздат, 1927. 845 с.
- XV Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л.: Госиздат, 1928. 1416 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.
- Правда. 1926. 17 октября; 1927. 26 июня; 11 августа.
- Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938 гг.: в 3 т. Т. 2. 1926–1927 гг. / под ред. М.С. Астаховой, А.Ю. Ватлина, Г.В. Горской. М.: РОССПЭН, 2007. 672 с.

Библиографический список

- Анальков Д.И. Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. и их значение в истории внутрипартийной борьбы 1920-х гг. // Клио. 2017. № 8. С. 106–113.
- Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М.: ИВИ РАН, 2002. 204 с.
- Текер Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс, 1990. 480 с.
- Фельштинский Ю.Г. Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 182–198.
- Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М.: Россия молодая, 1993. 144 с.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
- Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004. 400 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.10.2020

ON THE ROLE OF GRIGORY ORDZHONIKIDZE IN THE INNER-PARTY STRUGGLE OF THE 1920s

D. I. Apalkov

Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prospect, 27, building 4, 119192, Moscow, Russia
apal_d@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8091-6144

The article examines the role of Grigory Ordzhonikidze in the inner-party struggle of the 1920s. The purpose of the article is to determine what position Ordzhonikidze held at different stages of the inner-party struggle. The transcripts and other documents of the leadership of the Bolshevik Party, stored in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), became the basis for the research. Contrary to the popular opinion in historiography, the author states that Ordzhonikidze acted independently and was not an obedient satellite of Joseph Stalin during the inner-party struggle. After being appointed the Chairman of the Central Control Commission, he tried to some extent to alleviate the severity of political conflicts and prevent the use of harsh punishments against Stalin's opponents. There is a version in historiography according to which in 1928, during the conflict between Stalin and the Rykov – Bukharin group, Ordzhonikidze initially supported the «right wing» of the Politburo, but then suddenly revised his views and supported Stalin's position. Based on the analysis of archival documents, the author concludes that this statement is invalid. At the same time, Ordzhonikidze, although he was on friendly terms with Stalin and shared his views on the peasant question had a conciliatory attitude and was inclined to seek a compromise with the «right». Ordzhonikidze's conciliatory attitude disappeared after the Trotskyists published a recording of a secret conversation between N. I. Bukharin and L. B. Kamenev. This compromising material formed among the Bolshevik leadership the perception of the «right wing» of the Politburo as an opposition group capable of splitting the «monolithic unity» of the party. For this reason, at the beginning of 1929, when the supreme party court over the «right» was held at the joint meetings of the Politburo and the Presidium of the Central Control Commission, Ordzhonikidze acted as one of the main accusers.

Key words: Grigory K. Ordzhonikidze; Joseph V. Stalin; VKP(b); Central Control Commission; Politburo; Central Committee; opposition.

References

- Apalkov, D. I. (2017), “Joint Meetings of the Politburo and the Presidium of the Central Control Committee on January 30 and February 9, 1929 and Their Significance in the History of the Inner-party Struggle of the 1920s”, *Klio*, № 8, pp. 106–113.
- Felshtinsky, Yu.G. (1991), “Two Episodes from the History of the Inner-party Struggle: Bukharin's Confidential Conversations”, *Voprosy istorii*, 1991, № 2–3, pp. 182–198.
- Khlevniuk, O.V. (1993), *Stalin i Ordzhonikidze. Konflikty v Politbyuro v 30-e gody* [Stalin and Ordzhonikidze. Conflicts in the Politburo in the 30s], Rossiya molodaya, Moscow, Russia, 144 p.
- Khlevniuk, O.V. (2010), *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [The Boss. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship], ROSSPEN, Moscow, Russia, 479 p.
- Nazarov, O.G. (2002), *Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoy partii v usloviyah NEPa* [Stalin and the Struggle for Leadership in the Bolshevik Party in the Conditions of the NEP], IVI RAN, Moscow, Russia, 204 p.
- Shubin, A.V. (2004), *Vozhdi i zagovorshchiki* [Chiefs and Conspirators], Veche, Moscow, Russia, 400 p.
- Taker, R. (1990). *Stalin: Put' k vlasti. 1879–1929. Istoriya i lichnost'* [Stalin: The Path to Power. 1879–1929. History and Personality], Progress, Moscow, Russia, 480 p.